

6

А тем временем, ежедневно, точнее еженощно тянулась служба – караулы, патрули, рытье окопов, грязь, дожди, свист ветра и, время от времени, снег, лишь когда окончательно утвердился апрель, ночи стали заметно теплее. Март на нашем плоскогорье напоминал март в Англии с его ярким синим небом и порывистыми ветрами. Озимый ячмень поднялся на фут от земли, на вишнях завязывались розовые бутоны (линия фронта шла через заброшенные вишневые сады и огороды), в канавах начали попадаться фиалки и дикий гиацинт, скорее напоминавший неприглядный колокольчик. У самых наших окопов бурлил чудесный, зеленый ручеек, – впервые с момента прибытия на фронт я увидел прозрачную воду. Однажды, стиснув зубы, я полез в речушку, чтобы искупаться первый раз за шесть недель. Купание вышло, признаться, короткое, температура воды была только чуть выше нуля.

А пока все оставалось по-прежнему, не происходило ровным счетом ничего. Англичане стали поговаривать, что это не война, а дурацкая пантомима. Прямым огнем фашисты достать нас, по существу, не могли. Единственную опасность представляли случайные пули, особенно – на выдвинутых вперед флангах. Там пули сыпались с разных направлений. Все наши потери в этот период были вызваны шальными пулями. Непонятно откуда взявшаяся пуля раздробила Артуру Клинтону левое плечо и, боюсь, навсегда парализовала руку. Изредка постреливала артиллерия, но огонь был неприцельный. Свист снарядов и грохот разрывов мы воспринимали как некоторое развлечение. Ни один фашистский снаряд не попал в наш бруствер. В нескольких сотнях метров позади нас виднелось поместье Да Гранха, в его просторных помещениях находились наши склады, штаб и кухня. Вот в нее-то и целились фашистские артиллеристы, находившиеся на расстоянии пяти или шести километров. Впрочем, они так никогда и не накрыли цель, – им удалось лишь выбить стекла и поцарапать осколками стены. В опасности был лишь тот, кто оказывался на дороге в момент, когда начиналась стрельба и снаряды рвались в полях по обеим сторонам дороги. Почти сразу же все мы овладели таинственным искусством узнавать по звуку летящего снаряда, разорвется он близко или далеко. В этот период у фашистов были очень скверные снаряды. Имея крупный калибр (150 мм), снаряды эти делали воронки, имевшие не более 1 м. 80 см. в диаметре и примерно в 1 м. 20 см. в глубину. Кроме того, по меньшей мере один из каждых четырех снарядов не разрывался. Окопные романтики рассказывали о саботаже на фашистских заводах, о холостых снарядах, в которых вместо взрывчатки находили записки: «Рот фронт», но я лично никогда таких снарядов не видел. Дело просто в том, что стреляли в нас безнадежно старыми снарядами; кто-то поднял латунную крышку взрывателя с выбитой датой – 1917. У фашистов были такие же орудия, как у нас и того же калибра, поэтому неразорвавшиеся снаряды часто вправляли в гильзы и выстреливали обратно. Говорили, что есть один снаряд – ему даже дали особое прозвище, – который ежедневно путешествовал туда и обратно, не взрываясь.

По ночам маленькие патрули посылались на ничейную землю. Подобравшись к фашистским окопам, они слушали доходившие до них звуки (сигналы рожка, гудки автомашин), по которым можно было судить о том, что происходит в Хуэске. Фашистские войска часто сменялись, и подслушивание позволяло приблизительно определять их численность. Нас специально предупредили, чтобы мы прислушивались к колокольному звону. Было известно, что фашисты перед боем всегда отправляют мессу. В полях и садах мы натыкались на покинутые глинобитные хибарки. Предварительно затемнив окна, мы обшаривали эти домики при свете спички и находили иногда такие полезные вещи, как широкий нож-резак или забытую фашистским солдатом баклагу (они были лучше наших и очень высоко ценились). Бывали и дневные вылазки, но днем обычно приходилось ползать на четвереньках. Как странно было ползти по этим пустынным плодородным полям, где все вдруг замерло в самый разгар урожайной страды. Прошлогодний урожай остался неубранным. Несрезанные виноградные лозы змеились по земле, кукурузные початки стали твердыми как камень, чудовищно разрослась кормовая и сахарная свекла, превратившись в бесформенные одеревенелые глыбы. Как, должно быть, проклинали крестьяне обе армии! Время от времени небольшие группы бойцов уходили на ничейную землю копать картошку. Примерно в полтора километрах от нас, на правом фланге, где окопы сближались, было картофельное поле, на которое мы наведывались днем, а фашисты только ночью, ибо наши пулеметы занимали здесь господствующую позицию. Как-то ночью фашисты нагрянули толпой и опустошили все поле, что нас очень разозлило. Мы нашли другую делянку, подальше, но там не было никакого укрытия, и картошку приходилось копать, лежа на животе. Занятие утомительное. Когда вражеские пулеметчики засекали нас, приходилось распластываться по земле, как крыса, старающаяся прошмыгнуть в щель между дверью и полом. В это время пули взбивали землю в нескольких метрах от нас. Но игра стоила свеч. Картошки не хватало. Если удавалось собрать мешок, ее можно было обменять на кухне на баклагу кофе.

У нас по-прежнему ничего не происходило, казалось даже, что и произойти то ничего не может. «Когда мы пойдем в атаку?», «Почему мы не атакуем?» – эти вопросы задавали без устали и испанцы и англичане. Странно слышать от солдат, что они хотят драться, зная, чем это пахнет, но они действительно рвались в бой. В окопах солдат всегда ждет трех вещей: боя, выдачи сигарет и недельного отпуска. Теперь мы были вооружены немного лучше, чем раньше. Каждый боец имел по сто пятьдесят патронов вместо прежних пятидесяти, постепенно нам выдали штыки, каски и по несколько гранат. Слухи о предстоящем наступлении не прекращались. Теперь я думаю, что их распространяли умышленно – для поддержания боевого духа солдат. Не требовалось специального военного образования, чтобы понять, что под Хуэской крупных боевых действий не предвидится, по крайней мере, в ближайшем будущем. Стратегическое значение имела дорога в Яку, тянувшаяся вдоль противоположной стороны города. Позднее, когда анархисты перешли в наступление, стремясь захватить дорогу, нам было приказано произвести «отвлекающие атаки» и оттянуть на себя фашистские войска.

В течение шести недель на нашем участке фронта была произведена только одна атака. Наш ударный батальон атаковал Маникомо – бывший сумасшедший дом, превращенный фашистами в крепость. В рядах ополчения P.O.U.M. служило несколько сот немцев, бежавших из гитлеровской Германии. Их свели в специальный батальон, названный

Ударным. С военной точки зрения они резко отличались от других отрядов ополчения, больше походя на солдат, чем какая-либо другая часть в Испании, если не считать жандармерии и некоторых соединений Интернациональной бригады. Из затеи перейти в наступление, разумеется, ничего не получилось, – да и какое наступление правительственных войск в ходе этой войны не было загублено? Ударный батальон взял штурмом Маникомо, но части, не помню какого ополчения, не выполнили приказа о захвате холма, господствовавшего над крепостью. Их вел на приступ капитан, один из тех офицеров регулярной армии, в лояльности которых были все основания сомневаться, но которых правительство, тем не менее, брало на службу. То ли испугавшись, то ли пойдя на предательство, капитан предупредил фашистов и бросил гранату на расстоянии двухсот метров от их окопов. Я с удовлетворением узнал, что бойцы пристрелили своего капитана на месте. Но атака потеряла эффект неожиданности, сильным огнем противник скошил ряды атакующих ополченцев, принудив их отступить, а к вечеру ударный батальон оставил Маникомо. Всю ночь по разбитой дороге в Сиетамо ползли санитарные машины, добывая тяжелораненых тряской на ухабах.

К этому времени мы все обовшивели; хотя было еще довольно холодно, вшей температура устраивала. У меня большой опыт общения с насекомыми разных видов, но ничего омерзительнее вшей мне встречать не приходилось. Другие насекомые, например москиты, кусаются больнее, но они, по крайней мере, не обитают на вашем теле. Вошь несколько напоминает малюсенького рачка и живет, обычно, в швах штанов. Избавиться от нее совершенно невозможно, разве что, путем сожжения всей одежды. Вошь откладывает в швах брюк блестящие маленькие яйца, наподобие зернышек риса, из которых с поражающей быстротой выводятся новые поколения. Думаю, что пацифистам неплохо бы украшать свои памфлеты увеличенной фотографией вши. Вот она – военная слава! На войне солдат всегда заедают вши, если, конечно, достаточно тепло. Где бы солдат ни дрался – под Верденом, под Ватерлоо, у Флоддена, под Сенлаком или под Фермопилами – у него всегда в паху ползали вши. Мы боролись с насекомыми, прожаривая швы одежды и купаясь так часто, как позволяли условия. Кроме вшей, вряд ли что-либо могло заставить меня лезть в ледяную воду реки.

Все подходило к концу – башмаки, одежда, табак, мыло, свечи, спички, оливковое масло. Наша форма разваливалась, многие бойцы носили вместо ботинок сандалии на веревочной подошве. Повсюду валялись горы изношенной обуви. Как-то мы два дня жгли костры из ботинок, оказавшихся неплохим топливом. К этому времени моя жена приехала в Барселону и присылала мне чай, шоколад и даже сигары, когда ей удавалось их достать. Но и в Барселоне тоже ощущался недостаток продуктов, в первую очередь табака. Чай был манной небесной, у нас не было молока, и редко случался сахар. Из Англии в адрес бойцов постоянно отправлялись посылки, но они никогда к нам не доходили; пища, одежда, сигареты – либо не принимались почтой, либо конфисковались во Франции. Любопытно знать, что лишь один отправитель сумел переслать моей жене несколько пачек чая и однажды – памятный случай – коробку бисквитов. Этим отправителем были интендантские склады Военно-Морского флота. Бедняги! Армия и Флот с честью выполнили свой долг, но им, вероятно, было бы приятнее, если бы посылка шла к солдатам Франко. Больше всего нас мучила нехватка табака. Сначала мы получали по пачке сигарет в день, затем по восемь штук, а потом по пять. Наконец нам пришлось перенести десять убийственных дней без

курева. Впервые я увидел в Испании зрелище столь обыденное для Лондона – я видел людей, собирающих окурки.

В конце марта у меня выскочил нарыв на руке, нарыв пришлось вскрыть, а руку подвесить на перевязь. Не было, однако, смысла из-за такого пустяка везти меня в госпиталь в Сиетамо, и я остался в так называемом «госпитале» в Монфлорите, который был, по существу, перевязочным пунктом. Я провел там десять дней, часть времени пролежав в постели. Практиканты (так называли фельдшеров) украли у меня, практически все ценные вещи, в том числе фотоаппарат, а заодно и все мои снимки. На фронте все воруют, это неизбежный результат плохого снабжения, но особенно отличаются госпитальные работники. Позднее, в барселонском госпитале, я встретил американца, прибывшего в интернациональную бригаду на судне, торпедированном итальянской подводной лодкой. Американец рассказывал, что когда его раненого несли на берег, то санитары, вталкивая носилки в машину, успели снять с него наручные часы.

С рукой на перевязи, я провел несколько чудесных дней, бродя по окрестностям Монфлорите. Это была обычная испанская деревушка – кучка глинобитных и каменных домов, узкие кривые улочки, изъезженные грузовиками до такой степени, что они стали походить на лунные кратеры. Сильно поврежденная церковь была отведена под военный склад. Во всей округе было только две сравнительно больших усадьбы – Торре Лоренцо и Торре Фабиан, и только два крупных здания, видимо, дома помещиков, некогда владевших этой землей. Они как бы любовались своим богатством, глядя на убогие хижины крестьян. Сразу же за рекой, неподалеку от линии фронта, стояла огромная мельница с пристроенным к ней домом. Чувство стыда и неловкости вызывал вид ржавеющих без дела дорогих машин, разобранного на дрова пола. Позднее, тыловые части начали присылать сюда людей на грузовиках, которые принялись за дело систематически. На дрова пошла вся мельница. Солдаты обычно рвали полы ручным гранатами. В Ла Гранха, где находились наши склады и кухня, некогда, должно быть, помещался монастырь. На площади в акр, а то и больше, стояли хозяйственные постройки, в том числе конюшня на тридцать-сорок лошадей. Деревенские дома в этой части Испании в архитектурном отношении не представляют интереса, но хозяйственные постройки, сооруженные из камня и глины, с круглыми сводами и великолепными потолочными балками, имеют благородный вид. Построены они по образцам, не менявшимся, должно быть, многие века. Иногда вы, сами того не желая, вдруг понимали, что чувствуют бывшие владельцы этих усадеб – фашисты – при виде того, как здесь хозяйничают бойцы ополчения. В Ла Гранхе, все пустующие комнаты были превращены в уборные – кошмарное месиво из обломков мебели и экскрементов. В примыкавшей к дому маленькой церкви, стены которой были изрешечены пулями, кал лежал сплошным толстым слоем. Тошнотворная свалка ржавых консервных банок, грязи, лошадиного навоза и разложившейся пищи украшала большой внутренний двор, где повара раздавали еду. Вспоминались слова старой солдатской песни:

Вот так крысы, Ростом с кошку, В интендантстве завелись! В Ла Гранхе крысы действительно напоминали размерами котов; большие, разжиревшие, они бродили по горам мусора, обнаглев до того, что разогнать их можно было только выстрелами.

Наконец-то на дворе установилась весна. Небесная синева стала нежнее, воздух вдруг пропитался пряным ароматом. В канавах шумно спаривались лягушки. Возле водопоя, куда водили мулов всей деревни, я нашел изящных зеленых лягушат, размером с маленькую монетку, такого яркого цвета, что молодая трава блекла рядом с ними. Деревенские ребята отправились с ведрами ловить улиток, которых они жарили живьем на кусках жести. Как только погода установилась, крестьяне вышли в поле на весеннюю пахоту. Испанская аграрная революция – явление настолько непонятное, что мне так и не удалось выяснить, была ли земля обобществлена или крестьяне просто разделили ее между собой. Думаю, что теоретически землю обобществили, поскольку верховодили здесь Р.О.У.М. и анархисты. Во всяком случае, помещиков не было, земля обрабатывалась, народ казался довольным.

Дружелюбие крестьян по отношению к нам не переставало меня удивлять. Тем из их числа, кто постарше, война должна была представляться бессмысленной; она принесла с собой нехватку самого необходимого и ужасающе скучную жизнь для всех. Кроме того, крестьяне и в лучшие времена не любят, когда в их деревнях расквартировывают солдат. И тем не менее, они относились к нам неизменно дружелюбно, понимая, видимо, что хотя мы и невыносимы кое в чем, мы стоим между крестьянами и бывшими их помещиками. Гражданская война явление несуразное. Хуэска лежала менее чем в десяти километрах от деревни. В Хуэску крестьяне ездили на рынок, там у них были родственники, туда каждую неделю в течение всей своей жизни они отправлялись торговать птицей и овощами. А теперь вот уже восемь месяцев непреодолимый барьер колючей проволоки и пулеметного огня лежал между ними и городом. Случалось, что они забывали об этом. Однажды я спросил у старушки, несшей маленькую железную лампу, из тех, которые наполняют оливковым маслом: «Где я могу купить такую лампу?» – «В Хуэске», – ответила она не задумываясь и мы оба рассмеялись. Деревенские девушки, очаровательные созданыя с угольно-черными волосами и танцующей походкой, вели себя очень откровенно и непосредственно, что тоже, вероятно, было результатом революции.

Мужчины в потрепанных голубых рубашках и черных вельветовых штанах, в широкополых соломенных шляпах, шли за плугами, которые тащили упряжки мулов, ритмично шевеливших вилами. Жалкие плети едва царапали землю, не оставляя за собой ничего похожего на настоящую борозду. Все сельскохозяйственные орудия местных крестьян безнадежно устарели, что объясняется прежде всего дороговизной металла. Когда ломался, например, лемех, его латали, потом латали снова, и так до тех пор, пока на нем не оставалось живого места. Грабли и вилы делались из дерева. Крестьяне, редко носившие башмаки, не знали лопаты; они копали землю неуклюжей мотыгой, вроде тех, которыми пользуются в Индии. Здешняя борона видимо не изменилась со времен каменного века. Эти бороны, величиной с кухонный стол, сколачивались из досок, в которых выдалбливались сотни дырочек, а в каждую из дырочек вставлялся кремний, обтесанный точно таким же способом, каким обрабатывали камень десять тысяч лет назад. Помню, что я почувствовал нечто вроде ужаса, увидев впервые это орудие в брошенной хижине на ничьей земле. Я долго рассматривал его, прежде чем до меня дошло, что это борона. Мне стало дурно при мысли о том, сколько труда нужно вложить, чтобы сделать такую штуку, от сознания бедности, заставлявшей пользоваться кремнем вместо стали. С того времени я стал относиться гораздо более доброжелательно к промышленному развитию. В деревне были и

два современных трактора, видимо отобранных у крупного помещика.

Раза два я дошел до маленького огороженного кладбища, лежавшего примерно в миле от деревни. Убитых на фронте обычно отвозили в Сиетамо; здесь же лежали деревенские покойники. Странное кладбище, совсем непохожее на английское. Никакого почтения к мертвым! – Все заросло кустами и жесткой травой, всюду валяются человеческие кости. Но особенно удивило меня полное отсутствие религиозных надписей на могильных камнях, хотя все они были поставлены до революции. Только один раз, кажется, я здесь обнаружил столь обычную для католических кладбищ надпись: «Молитесь за душу такого-то». Большинство надписей носило совершенно мирской характер, много было шуточных стихов, восхвалявших добродетели усопшего. Крест или беглое упоминание о небе попадались на одной из четырех-пяти могил, но и их почти всюду сбил долотом какой-то ревностный безбожник.

Народ в этой части Испании, как мне показалось, совершенно лишен религиозных чувств, – я имею в виду ортодоксальную религиозность. Любопытно, что за все время моего пребывания в Испании, я ни разу не видел крестившегося человека, а ведь это движение, казалось бы, должно стать машинальным, не зависящим от революции. Конечно, испанская церковь вернется к жизни (есть поговорка – ночь и иезуиты всегда приходят снова), но так же очевидно, что с началом революции она совершенно рухнула. Такое, думаю, не могло бы приключиться в подобных обстоятельствах даже с умирающей англиканской церковью. Для испанского народа, во всяком случае для Каталонии и Арагона, церковь – это просто-напросто обман. Христианскую веру, возможно, в какой-то степени заменил анархизм, широко распространившийся и несомненно имеющий религиозную окраску.

В тот день, когда я вернулся из госпиталя, мы передвинули наши окопы примерно на тысячу метров вперед, где им полагалось быть и раньше, и заняли позиции на берегу небольшого ручья, в нескольких сотнях ярдов от фашистов. Эту операцию следовало провести несколько месяцев назад; теперь ее цель была отвлечь часть сил противника и помочь анархистам, атаковавшим дорогу на Яку.

Мы не спали шестьдесят или семьдесят часов, и события вспоминаются сквозь туман, точнее отдельными картинками. Я помню, что мы подслушивали разговоры противника на ничьей земле, в сотне метров от Каза Франчеза, крестьянского дома, превращенного в часть линии фашистской обороны; семь часов сряду мы лежали в вонючем болоте, мокли в пропахшей камышами воде, чувствуя, как тело погружается все глубже и глубже. Память сохранила запах камыша, леденящий холод, неподвижные звезды в черном небе, хриплое кваканье лягушек. Стоял уже апрель, но я не помню в Испании ночи холоднее. Хотя всего в ста метрах позади нас рылись окопы, стояла полная тишина, нарушаемая лишь хором лягушек. Только один раз в течение всей ночи я услышал посторонний звук, – знакомое шлепанье лопаты, трамбуемой мешок с песком. Как это ни странно, время от времени испанцы вдруг проявляют чудеса организованности. За семь часов шестьсот человек отрыли тысячу двести метров траншей, защищенных бруствером и сделали это так тихо, что фашисты не слышали ни одного звука, хотя они были на расстоянии всего 150–300 метров. В течение ночи мы потеряли только одного человека. На следующий день, конечно, потери возросли. Каждый боец точно знал, что ему нужно делать, а как только работа была

закончена, сразу же явились разносчики пищи с бурдюками вина, в которое был подмешан коньяк.

Потом рассвело и фашисты внезапно обнаружили нас прямо под своим носом. Мы находились в двухстах метрах от Каза Франчеза, но казалось, что ее квадратное белое строение нависало прямо над нами, а пулеметы, видневшиеся в заложенных песком верхних окнах, были наведены точно на наши окопы. Мы глазели на Каза Франчеза, удивляясь, почему фашисты нас не замечают, как вдруг брызнул бешеный град пуль. Все попадали на колени и начали яростно окапываться, углублять траншею, рыть боковые лисьи норы. Поскольку моя рука все еще была в перевязке и копать я не мог, я провел большую часть дня за чтением детективного романа «Пропавший ростовщик». Содержания книги я не помню, но очень живо вспоминаются все ощущения, которые сопровождали чтение: мокрая глина на дне окопа, я все время убираю ноги, о которые спотыкаются люди, пробегающие мимо меня, визг пуль над самой головой. Томас Паркер был ранен навывлет пульей в бедро, что, как он заявил, совсем не входило в его расчеты. Мы несли потери, но их нельзя было даже сравнить с теми потерями, которые мы могли иметь, если бы фашисты обнаружили нас ночью. Позднее мы узнали от дезертира, что пять фашистских часовых было расстреляно за халатность. Но даже и сейчас они могли нас всех перестрелять, если бы догадались подтащить несколько минометов. Очень неудобно было выносить раненых по узким, тесным трап-шеям. Я видел, как вываливался из носилок и задыхался в агонии солдат в черных от крови бриджах. Раненых нужно было нести километра полтора, а то и больше, ибо санитарные машины никогда не подъезжали близко к фронтовой линии, даже когда к ней вела дорога. Если же санитарные машины приближались к передовой, то фашисты били по ним из пушек, с некоторым, впрочем, основанием, ибо в современной войне никто не подумает дважды, прежде чем использовать санитарные машины для подвозки боеприпасов.

На следующую ночь мы ждали в Торре Фабиан приказа атаковать. Приказ об отмене атаки был передан в последнюю минуту по радию. Мы ждали в амбаре, сидя на мякине, тонким слоем покрывавшей груды перемешанных человеческих и коровьих костей. Амбар кишмя кишел крысами. Мерзкие животные выскакивали со всех сторон. Нет ничего, что я ненавидел бы больше крысы, шныряющей по моему телу в потемках. Впрочем, мне удалось наподдать одной так здорово, что она отлетела в сторону.

Ждем сигнала. В пятидесяти или шестидесяти метрах от фашистского бруствера длинная цепь людей, сидящих на корточках в оросительной канаве. В темноте видны лишь острия штыков и белки глаз. За нашей спиной сидят Копп и Бенжамен, а возле них связист с рацией на спине. На западе видны розовые вспышки оружейных выстрелов, а вслед за ними, через несколько секунд следуют мощные взрывы. Потом мы услышали потрескивание радиации и отданный шепотом приказ отходить, пока не поздно. Мы отошли, но недостаточно быстро. Двенадцать несчастных парнишек из J.C.I. (Молодежной лиги P.O.U.M.; в ополчении P.S.U.C. лига называлась J.S.U.), залегших всего в сорока метрах от фашистской позиции, были захвачены рассветом врасплох и не смогли отступить. Весь день пролежали они, прикрытые лишь пучками травы, фашисты стреляли, как только замечали малейшее движение. К ночи семеро из ребят были убиты, пятерым удалось вылезти с наступлением темноты.

Много дней подряд мы вслушивались в звуки боя, который вели анархисты по другую сторону Хуэски. Звуки были неизменно те же: внезапно, еще до рассвета, грохот нескольких десятков одновременно взорвавшихся снарядов – даже на далеком расстоянии дьявольский гул – и затем непрерывный рев ураганного огня из винтовок и пулеметов, тяжелый катящийся звук, странным образом напоминающий барабанный бой. Постепенно в стрельбу включались все укрепления, окружавшие Хуэску, и мы стояли, сонно прислонившись к брустверу, слушая свист пуль, бессмысленно чертивших над нами воздух.

Днем оружейная стрельба велась беспорядочно. Был обстрелян и частично разрушен Торре Фабиан, в котором теперь разместилась наша кухня. Любопытно, что если смотреть на артиллерийскую стрельбу с безопасного расстояния, то всегда хочется, чтобы цель была накрыта, даже если под огнем находится ваш обед и несколько товарищей. В это утро фашисты стреляли хорошо; возможно, за дело принялись немецкие наводчики, – они точно взяли в вилку Торре Фабиан. Первый снаряд – перелет, второй – недолет, третий накрыл цель. Взлетели взорванные балки, кусок крыши поднялся, как подброшенная игральная карта. Следующий снаряд отсек угол дома, так аккуратно, как если бы его отрезал ножом великан. Но повара приготовили обед вовремя – достижение немалое.

Шли дни, и мы научились различать скрытые от глаза, но зато хорошо слышимые пушки. Мы узнавали две батареи русских 75-миллиметровок, стрелявшие совсем недалеко от нас. Слыша их, я почему-то представлял себе толстого игрока в гольф, ударяющего по мячу. Это были первые русские пушки, которые мне довелось увидеть, вернее, услышать. Снаряд выходил из жерла с большой скоростью и летел низко. Поэтому до нас доходили почти одновременно звук выстрела, свист снаряда и взрыв. За Монфлорите стояли два тяжелых орудия, выпускавших по несколько снарядов в день. Их глубокое, глухое рычание напоминало далекий рев прикованного к скале чудовища. Из средневековой крепости на горе Арагон, взятой штурмом правительственными войсками в прошлом году (говорили, что она пала впервые в истории) и защищавшей один из подступов к Хуэске, била тяжелая пушка, должно быть столетней давности. Ее грузные снаряды летели так медленно, что казалось их можно было догнать, слегка ускорив шаг. Звук снаряда почему-то больше всего напоминал свист едущего на велосипеде человека, Самый зловещий звук, несмотря на малые размеры, издавали минометы. Их снаряд представлял собой нечто вроде крылатой торпеды, величиной с литровую бутылку, похожей на стрелки с оперением, которые бросают в цель в кабачках. Металлический скрежет выстрела наводил на мысль о дьявольской кузнице, в которой ударяют по наковальне с чудовищной глыбой хрупкой стали. Иногда над нами пролетали самолеты и сбрасывали воздушные торпеды, от взрыва которых ходуном ходила земля в радиусе нескольких километров. Разрывы фашистских зениток метили небо маленькими облачками, какие можно увидеть на скверных акварелях, но ни разу они не приближались к самолету даже на тысячу метров. Когда на вас пикирует самолет, поливая позицию пулеметным огнем, внизу слышится будто биение крыльев гигантской птицы.

На нашем участке фронта было затишье. В двухстах метрах вправо от позиции, где фашисты занимали господствующую высоту, их снайперам удалось подстрелить несколько наших товарищей. Влево от нас, даже на расстоянии метров в 200, на мосту через ручей шла своеобразная дуэль между фашистскими минометчиками и бойцами, соорудившими цементную баррикаду поперек моста. Маленькие хищные мины со свистом пролетали по

воздуху и – звинг-бум! звинг-бум! Разрывы мин были оглушительны вдвойне, когда они рвались на асфальтированной дороге. В сотне метров от места взрыва можно было стоять в полной безопасности, глядя на фонтаны земли и черного дыма, тянувшиеся кверху, как волшебные деревья. Бедняги-солдаты, строившие баррикаду, большую часть дня отсиживались в лисьих норах, вырытых в стенах траншей. Но жертв было меньше, чем можно было ожидать, и баррикада не-уклонно росла, превращаясь в цементную стену толщиной более чем в полметра с амбразурами для двух пулеметов и небольшой полевой пушки. Цемент, за неимением другого железа, армировался старыми кроватями.

Версия #1

Зверобой создал 5 мая 2025 21:43:45

Зверобой обновил 5 мая 2025 21:44:17